

Когда Чжао Бинжуй подошел к носу судна, собираясь заняться чтением, Се Цзыци уже закончил один свиток и полностью заучил его наизусть.

Чжао Бинжуй с радостной улыбкой направился к нему: — Туйчжи, ты проснулся. Как спалось, всё ещё укачивает? Должно быть, проголодался, подожди-ка, я принесу тебе лепешку.

Сунув книгу обратно в руки Се Цзыци, Чжао Бинжуй быстрыми шагами направился в каюту.

Се Цзыци раскрыл том Чжао Бинжуя и, заметив, что почерк в примечаниях отличается изяществом, невольно взгляделся в текст. Книга Чжао Бинжуя оказалась той же самой, что и у него самого, и Се Цзыци машинально сравнил их записи, с удивлением обнаружив, что в четырех или пяти случаях из десяти их взгляды совпадали.

На лице Се Цзыци мелькнула редкая улыбка.

Не такой уж и глупец.

Вынес он предварительный вердикт Чжао Бинжую.

Когда Чжао Бинжуй принес лепешку и горячий суп, он заметил, что отношение Се Цзыци к нему стало намного теплее.

Уж не понял ли Туйчжи наконец, как он заботлив? Кхе-кхе, не заботлив, а проникся товарищескими чувствами.

Будучи одним из всего лишь двух учеников Су Жу, Чжао Бинжуй относился к этому младшему соученику, который был на три года младше него, с огромной заботой. Однако младший соученик в Академии Сугэ всегда держался особняком, демонстрируя холодный и надменный нрав, и к нему, старшему ученику, пришедшему в школу на два года позже, выказывал лишь равнодушие. Отправляясь в этот раз в столицу вместе с младшим соучеником, наставник неоднократно наставлял его приглядывать за тем.

Всю дорогу он вкладывал в это все силы: и готовил, и стирал, но так и не смог дожждаться от младшего соученика хотя бы улыбки. И вот наконец тучи рассеялись и показалось солнце — перед самым въездом в Цзинхуа отношение младшего соученика к нему смягчилось.

Чжао Бинжуй едва не расплакался от избытка чувств; он был счастлив даже больше, чем тогда, когда Ван Вань, первая красавица и куртизанка Цзяннаня, исполнила его новую песню.

В этот момент Чжао Бинжую хотелось лишь еще лучше заботиться о младшем соученике.

Покончив с завтраком, Чжао Бинжуй расспросил лодочника, и тот ответил, что при тихой и

спокойной погоде они доберутся до Цзинхуа менее чем за полдня. Боясь, что Се Цзыци заскучает, Чжао Бинжуй достал гобоко и предложил сыграть партию.

После чего партия за партией Се Цзыци с невозмутимым видом разбивал его в пух и прах.

Чжао Бинжуй же предавался собственным радостным мыслям: не зря он мой младший соученик.

Се Цзыци взглянул на сидевшего напротив с невозмутимым выражением лица Чжао Бинжуя: хотя его простодушие порой и раздражало, но, глядя на то, как тот сохраняет самообладание при любых победах и поражениях, он все же проникся к нему некоторым уважением.

А потому и отношение Се Цзыци к Чжао Бинжую стало еще лучше.

После этого Чжао Бинжуй от радости совсем потерял голову, сбегал за кистью, тушью, бумагой и чернильным камнем, а вернувшись к Се Цзыци, замялся, робко подбирая слова, причем обращение стало гораздо более ласковым.

— Эй, какая сегодня прекрасная погода, — Чжао Бинжуй почесал за ухом и осторожно произнес: — Младший соученик, я слышал, твоя каллиграфия — просто непревзойденное мастерство, хе-хе, у твоего соученика живопись тоже ничего. Грех в такую погоду не заняться искусством, как ты на это смотришь, младший соученик?

Под трепетным взглядом Чжао Бинжуя Се Цзыци кивнул.

— П-правда, прав-вда, по-настоящему? — на этот раз Чжао Бинжуй окончательно потерял голову от счастья.

Чжао Бинжуй собирался упрашивать его еще раз три-четыре, никак не ожидая, что младший соученик согласится так легко — это было просто невероятно радостно.

Стоит отметить, что каллиграфия младшего соученика хоть и превозносилась литературными кругами Цзяннаня до небес, на суд публики за всё время были выставлены лишь две работы. Первая представляла собой поздравительный свиток, написанный тринадцатилетним младшим соучеником в год успешной сдачи экзаменов на степень цзюйжэня по случаю пятидесятилетнего юбилея их учителя Су Жу. У учителя было множество учеников по всему миру, и среди чиновников столичных ведомств немало вышло из его стен, поэтому недостатка в изысканных подарках не было, однако учитель неизменно расхваливал лишь работу младшего соученика, где были написаны восемьдесят один иероглиф долголетия, каждый в уникальном начертании, и повесил этот свиток в парадном зале.

С тех пор каллиграфическое искусство первоначального владельца тела прогремело на весь Цзяннань. Тем не менее, сколько бы людей ни просило о подарке, всем неизменно отказывали.

Из-за этого литературные круги Цзяннаня недолюбливали высокомерный нрав юного мастера.

Однако в текущем году, на восьмидесятилетний юбилей главы клана Се, первоначальный владеец тела преподнес в дар каллиграфический свиток, содержащий шесть поздравительных стихотворений в форме поэтического палиндрома. Затем в лучшей вышивальной мастерской Цзяннаня искусная мастерица перенесла этот текст на шелк, сохранив всю первозданную красоту каллиграфии и дополнив ее мягким сиянием вышивки. В день юбилея главы клана Се это произведение потрясло бесчисленных гостей, пришедших с поздравлениями. После этого уже никто не смел критиковать каллиграфию Се Цыци.

Как и прежде, независимо от высокого чина или огромного богатства просителей, заполучить каллиграфию Се Цыци вновь стало почти невозможно.

Вспомнив об этом, Чжао Бинжуй едва не бросился в реку, чтобы проверить, не снится ли ему всё это сон.

Се Цыци бросил на Чжао Бинжуя косой взгляд: тот казался еще более помешанным, чем прежде. Уж не изменилось ли его собственное чутье на людей?

Лишь когда Чжао Бинжуй, дурашливо ухмыляясь, долгое время приходил в себя, а затем с абсолютно серьезным выражением лица принялся за живопись на рисовой бумаге, Се Цыци убедился, что его проницательность его не подвела.

Всего несколько уверенных штрихов — и на бумаге проступили очертания одиноких горных вершин. Под лучами скупого зимнего солнца их пики еще белели пятнами нерастаялого снега. Рядом пролегал скланная тонким льдом речная гладь, над которой жались к берегам редкие увядшие тростинки. Одинокий старик в соломенной шляпе-дождевике и плаще правил челноком, устремившись к незамерзшему участку воды, чтобы закинуть удочку.

Се Цыци счел, что в Чжао Бинжуне все же таится немалый творческий дар.

Заметив взгляд Се Цыци, Чжао Бинжуй вмиг растерял весь свой утонченный вид истинного поэта и принялся глуповато улыбаться Се Цыци, всем своим видом выпрашивая похвалу.

Се Цыци отвел взгляд: да, определенно не стоило возлагать на него больших надежд.

Се Цыци взял кисть и в правой части листа единым непрерывным движением вывел: — Птицы летят высоко — не увидишь следа в небесах, тысячи троп замело — и не встретить следов человека. В лодке избавлен от бед старый рыбак в непогоду, зимней порою один он у речки удит в снегах. (Строки Лю Цзунъюаня из стихотворения Речной снег). Опустив кисть, он неторопливо вышел.

Чжао Бинжуй остался стоять, бережно прижимая к груди свиток, словно величайшее

сокровище.

Не успела тушь на свитке полностью высохнуть, как лодочник громко крикнул: — Господа, приплыли!

Чжао Бинжуй подул на свиток, высушивая его, и с огромным сожалением уложил в дорожный короб.

Се Цзыци аккуратно собрал вещи и свитки, а затем встал на носу судна, поджидая возившегося со сборами Чжао Бинжуя.

Вскоре Чжао Бинжуй закончил сборы, выбежал на палубу и радостно обратился к Се Цзыци: — Я пока положил свиток в короб, но ты не переживай, младший соученик, я обязательно найду в Цзинхуа лучшего мастера, чтобы его оформить.

Се Цзыци: — Я его тебе не дарил.

Лицо Чжао Бинжуя мгновенно вытянулось, он робко замялся, выражая крайнюю степень обиды: — Младший соученик~.

Се Цзыци бросил взгляд на стоявшего неподалеку лодочника и покосился на Чжао Бинжуя, знаком приказывая ему рассчитаться. Однако тот был по-прежнему погружен в скорбь о потерянном и вновь обретенном сокровище, так и не уловив намека.

— Оплати проезд, и забирай картину себе.

Он изначально и не собирался ее оставлять себе.

Се Цзыци первым сошел на берег, а Чжао Бинжуй, радостно расплатившись, поспешил следом.

— Младший соученик, подожди меня, — он крепко прижимал к груди дорожный короб с драгоценным свитком.

Едва Се Цзыци ступил на пристань, к нему тут же подбел юный носильщик, щеголявший густым столичным акцентом.

— Господин цзюйжэнь, прибыли на столичные экзамены? Наши паланкины стоят всего шесть монет за ли, и никаких доплат в пути! — наперебой зазывали старики.

— Уважаемый господин цзюйжэнь, наши носилки рассчитаны на двоих, всего на одну монету дорожке, но ходят исключительно плавно. Желаете? — приветливо кланялся молодой человек

приличной наружности.

— В трех ли отсюда есть наш постоянный двор, доставка бесплатная, кто из почтенных господ поедет? — звонким голосом выкрикивал мальчишка-служка.

Разнообразные заманчивые предложения не смолкали ни на минуту.

Се Цзыци хранил молчание, в то время как Чжао Бинжуй с робкой боязнью и живым любопытством разглядывал диковинные столичные пейзажи.

— Двое, ровно сто монет до загородного постоялого двора при Цзяннаньской гильдии, — обратился Се Цзыци к молодому человеку.

Тот быстро прикинул в уме — выходило не в убыток, и согласно кивнул.

— Уважаемые господа, прошу в паланкины.

Перед Се Цзыци опустились два паланкина из темного эбенового дерева. Се Цзыци кивнул Чжао Бинжую, и оба заняли свои места. Двигаясь друг за другом, они преодолели около пяти-шести ли и вскоре остановились перед вывеской постоялого двора с надписью Цзяннаньская гильдия.

— Опускайте паланкины.

Кивком велел Чжао Бинжую расплатиться, Се Цзыци вошел в Цзяннаньскую гильдию вслед за ним.

Шагнув в просторный зал, Се Цзыци обратился к управляющему: — Мы ученики Академии Сугэ, прибыли в Цзинхуа на экзамены, скажите, найдутся ли у вас свободные комнаты?

Се Цзыци знал, что в других гостиницах мест могло и не быть, но в Цзяннаньской гильдии ученым мужам с юга никогда не отвечали отказом.

И действительно, услышав это, управляющий тут же расплылся в улыбке: — Есть, прошу вовнутр.

Узнав название Академии Сугэ, управляющий просиял и распорядился выделить им две прекрасные комнаты.

Ополоснув лицо и немного отдохнув в комнате, Се Цзыци только собрался спуститься вниз вместе с Чжао Бинжуйем, как заметил знакомого человека. Это был его личный слуга,

сопровождавший его повсюду.

С бледным, перекошенным от страха лицом слуга о чем-то говорил с управляющим, и Се Цзыци поспешил подойти.

— Чжао У, как ты оказался в Цзинхуа?

— Молодой господин?

— Наконец-то я нашел вас! Госпожа скончалась. Вот письмо, которое она оставила для молодого господина. Я добирался сухопутным путем, всё время верхом, прибыл позавчера и, обойдя множество постоянных дворов, наконец разыскал вас.

Взяв конверт, Се Цзыци бегло просмотрел строки, и его лицо мгновенно посинело от гнева.

Он повернулся к Чжао Бинжю: — У тебя есть при себе лишние деньги?

— Да, сейчас принесу.

Чжао Бинжуй поспешно вернулся в комнату и принес сто лянов серебра.

Взяв пятьдесят лянов, Се Цзыци протянул их Чжао У.

— Чжао У, твоя долговая кабала давно аннулирована. Возьми эти деньги, не возвращайся в Цзяннань и не оставайся в Цзинхуа — уходи, уходи как можно дальше.

Столкнувшись с непреклонностью Се Цзыци, Чжао У наконец кивнул.

— А как же вы, молодой господин?

— Не беспокойся за меня, о себе позаботься.

Чжао У отвесил Се Цзыци земной поклон, со слезами на глазах долгим взглядом посмотрел на него, а затем развернулся и ушел.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру Чжао У, Се Цзыци повернулся к Чжао Бинжю: — Спасибо за серебро, я обязательно верну всё в двойном размере.

— Пустяки.

Вернувшись в комнату, Се Цзыци заново перевязал свой узел. Только он взялся за ручку двери, как увидел стоявшего на пороге Чжао Бинжуя.

Чжао Бинжуй: — Ты это к чему? У меня есть деньги, нам их с лихвой хватит на целый год жизни в Цзинхуа.

Се Цзыци покачал головой.

— Ты уходишь? Куда ты собрался? — продолжал допытываться Чжао Бинжуй.

— Я не буду сдавать экзамены, — ответил Се Цзыци.

Чжао Бинжуй широко распахнул глаза: — Что ты говоришь? Ты непременно займешь высокое место в списках, как можно бросить экзамены? Учитель узнает — живьем сгниешь от стыда!

Се Цзыци: — Я не буду сдавать.

Чжао Бинжуй: — Что вообще произошло?

Се Цзыци: — Благодарю за участие. Мою родную матушку оклеветали в связи с изменой, а когда обман раскрылся, она повесилась. Чем успешнее я сдам экзамены, тем счастливее будут жить те, кто погубил мою мать.

На лице Чжао Бинжуя отразилось тяжелое потрясение, и лишь спустя мгновение он вымолвил: — Но если ты откажешься от экзаменов, разве ты не пойдешь у них на поводу, не исполнишь их волю? Ни в коем случае, ты должен сдавать, сдать на отлично! Настанет день, и, получив высокий чин, ты сможешь отплатить за все обиды и отомстить за кровь.

Се Цзыци снова покачал головой: — Можешь не уговаривать. Мы оба понимаем, что это невозможно. Я пал духом, сил продолжать испытания у меня нет. Прощай, мы расстаемся здесь.

Чжао Бинжуй оставалось лишь сказать: — Тогда куда ты путь держишь? Я провожу тебя.

Се Цзыци сложил руки в приветствии: — Дороги тысяч гор я пройду один, не нужно провожать.

Развернувшись, Се Цзыци зашагал прочь. Чжао Бинжуй проводил его до самого входа и издали смотрел, как фигура Се Цзыци постепенно превращается в точку, а затем и вовсе исчезает из виду. Непонятно почему, но всё его тело пронизывало какое-то безысходное чувство утраты.

Сдав комнату Се Цзыци, Чжао Бинжуй вернулся к себе и написал письмо. Передав его странствующему торговцу, он отправил послание назад в Цзяннань, в руки своего наставника Су Жу, с ночной почтой.

Сидя перед столом с парой нехитрых блюд, Чжао Бинжуй сделал пару глотков, тяжело вздохнув. Сумеет ли наставник найти способ вразумить младшего соученика? Было бы ужасно жалко зарывать в землю его блестящий талант.

Свистнул пронзительный ветер, в комнате стало холодно.

Чжао Бинжуй поднялся, чтобы плотнее закрыть створки окна, и заметил, что за окном повалил густой, размером с лебяжий пух снег, в один миг превративший улицу в белоснежное полотно.

Выдохнув облачко пара и нахмутив брови, он вспомнил тот небольшой узелок за спиной Се Цзыци — в нем наверняка не было теплой одежды. Сердце Чжао Бинжуя переполнилось тревогой: как же теперь придется его младшему соученику?

Посторонний 02

Когда Се Цзыци покинул Цзяннань и отправился в Цзинхуа на экзамены, у него при себе было всего тридцать лянов, которые к настоящему моменту уже полностью истратил.

То, что Се Цзыци остался без единой медной монеты, было вполне закономерно.

Положенное содержание ему никогда не выплачивали, клан Се всегда так с ним обращался.

В тринадцать лет, после успешной сдачи экзаменов на степень цзюйжэня, глава клана преградила ему путь к дальнейшим испытаниям под предлогом юного возраста; когда же ему исполнилось шестнадцать, та же хозяйка дома вновь попыталась перекрыть ему дорогу. Лишь преподнеся в дар главе клана Се поздравительный свиток, потрясший всех столичных жителей, Се Цзыци сумел вновь добиться права участвовать в экзаменах.

Не имея за душой ни единой медной монеты, Се Цзыци не стал искать постоянный двор, а вместо этого направился к храму, стоявшему в трех ли от города.

Еще до наступления темноты Се Цзыци постучал в ворота обители.

Системы в нефритовом браслете шумно зашептались, затеявая бурные споры.

Система «Каратель подонков»: Чего это хозяин направился в эту развалину? Возвращался бы в Цзяннань карать поганую родню!

Система Кузины выразила с ней согласие: — Вернулся бы в Цзяннань, попросил помощи у старшего брата — расправиться с отвратительной матушкой.

Однако у Системы «Белый лунный свет» нашлось другое мнение: — Ему следует остаться в Цзинхуа, держаться поближе к Чжао Бинжюю, поднимать шкалу благосклонности главного героя, чтобы тот помог разобраться с отребьем.

Система Наложницы тут же выступила против: — Разве бедро главного героя сравнится с бедром самого Императора? В конце концов, главный герой ведь опирается именно на поддержку Императора! Используя внешность хозяина... нет, используя талант хозяина, устроить романтическую встречу в лунном свете, чтобы Император помог расправиться с подонками — вот это истинное наслаждение.

Пока системы вели горячий спор, Система Очарования заметила, как выражение лица Се Цзыци неуловимо переменялось.

В этот момент створки ворот со скрипом приоткрылись, являя миру удивленного юного послушника, который отвесил Се Цзыци легкий поклон.

— Чем могу помочь благородному гостю?

Храм этот располагался на пологом склоне Южной горы, отчего и звался Храмом Наньшань. В прежние годы он не уступал по славе Храму Сушань, но со временем в Храме Сушань остановился странствующий монах, обладавший глубоким пониманием буддийской мудрости. Он славился удивительно точными предсказаниями для паломников, и благодаря этому монаху, нашедшему временный приют в тех стенах, Храм Сушань обрел куда большую известность. Храм Наньшань же растерял множество верующих и постепенно погрузился в забвение — мало кто помнил, что некогда здесь стояла прославленная обитель.

В убранстве увядающей зимы подходы к храму выглядели еще более пустынными и заброшенными, колесницы и кони здесь почти не появлялись.

Ответив на поклон, Се Цзыци легко улыбнулся: — Я прибыл с юга на столичные экзамены, но кошелек мой пуст, и денег на постоянный двор не осталось. На дворе лютая стужа, и я смею надеяться на милосердие почтенного наставника: не позволите ли осведомиться, не найдется ли в обители угла, чтобы переждать ночь?

Послушник сложил ладони у груди: — Подождите здесь, я пойду доложу настоятелю.

В покоях настоятеля старец перебирал четтки, бормоча сутры. Послушник дождался окончания молитвы и доложил, что у входа в обитель просит ночлега ученый муж.

Настоятель еще не успел раскрыть рта, как сидевший рядом старший наставник возмутился: —

Настоятель, наших запасов зерна хватит лишь на полмесяца скудной жизни всей братии, лишнего зерна на странников у нас нет! — увидев, что настоятель молчит, он велел послушнику прогнать просителя.

Послушник уже повернулся, чтобы уйти, но настоятель окликнул его: — Как он одет?

Послушник ответил: — На нем простое синее платье из хлопчатобумажной ткани, лоб подпоясан шелковой лентой, а на голове надет дорожный капюшон. На вид шестнадцать-семь лет, говорит подчеркнуто вежливо.

Настоятель на мгновение задумался и произвел: — Впустите его.

Послушник сложил ладони в знак согласия, собираясь удалиться, но настоятель добавил: — Возьми соломенный плащ и проводи его в келью на заднем склоне.

Кивнув, послушник вышел.

Старший наставник недоуменно спросил: — Настоятель, зачем привечать чужака?

Настоятель ответил: — Вы знаете лишь о том, что Храм Сушань прославился благодаря остановившемуся у них странствующему монаху, но не ведаете, что сначала тот странник просил приюта в нашем Храме Наньшань. В те дни мой старший соученик отказал ему, и тот отправился в Храм Сушань, где и остался на постой. С той поры мир узнал лишь о Храме Сушань, позабыв о Храме Наньшань. И тогда тоже была вот такая снежная ночь.

Только теперь старший наставник осознал всю предысторию, однако сомнения его не развеялись: — Но то был монах, а это — нищий школяр?

Настоятель, усевшись на круглый соломенный коврик, перебирал четтки. — Лишь нищий школяр и представляет истинную ценность. Десять лет упорного труда в неизвестности ради единого дня славы на всю Поднебесную. Ему всего шестнадцать-семь лет, впереди у него блестящее будущее, кто знает, не займет ли он высокий пост в грядущие дни?

— Когда Хуэйюань вернется, отправь его пообщаться с гостем, пусть проверит познания этого юноши.

Старший наставник поклонился и вышел.

Устремив взгляд на клубящиеся струйки благовонного дыма, настоятель погрузился в раздумья. Некогда из-за того, что его старший соученик отказал странствующему монаху, обитель пришла в запустение; снедаемый стыдом, соученик покинул храм, а настоятелем стал он сам.

Он всей душой надеялся, что на этот раз удастся завязать благую кармическую связь.

Темнело быстро, пока мрак не окутал всё вокруг. Се Цзыци по-прежнему стоял у храмовых ворот, плечи его были усыпаны снегом, а ступни от холода потеряли всякую чувствительность.

Со скрипом отворились ворота, явив круто остриженную голову послушника.

— Благородный гость, прошу войти.

Се Цзыци растер озябший нос и молча шагнул за порог.

Послушник протянул ему соломенный плащ: — Метель разыгралась не на шутку, набросьте на плечи, гость, хоть немного защитит от непогоды.

— Настоятель милосерден, благодарю за заботу, младший наставник. — Се Цзыци отвесил поклон, принял плащ и накинул на плечи.

Снег пал все гуще, и Се Цзыци послушно зашагал вслед за послушником, оставляя за собой длинную цепочку глубоких, неровных следов.

Исполняя волю настоятеля, послушник отвел Се Цзыци келью на задворках обители, а вскоре принес нехитрую еду и горячую воду.

Вновь поблагодарив юношу, Се Цзыци спросил: — Когда будет удобно нанести визит настоятелю?

Послушник попросил гостя располагаться безмятежно и пообещал передать просьбу.

Се Цзыци в третий раз поклонился юноше в знак благодарности.

Келья оказалась просторной, но почти пустой. Из мебели — лишь деревянный стол, табурет да чайная чашка. На стене висел одинокий свиток с живописью, и больше ничего. Обстановка казалась пугающе пустынной.

Кровать стояла у южной стены, на ней лежало два одеяла. Не раздеваясь, Се Цзыци прилег, и лишь когда метель за окном утихла, наконец погрузился в сон.

Пока Се Цзыци спокойно почивал, системы в нефритовом браслете подняли настоящий бунт.

Система «Каратель подонков»: В этой убогой келье сидеть — какой от нее толк?!

Система «Белый лунный свет» горячо поддержала товарку.

Система Антагониста впервые подала голос: — Раз уж хозяин решил просить ночлега, почему не пошел в Храм Сушань? Я тщательно изучил материалы: именно Храм Сушань — ключевая точка развития сюжета, но хозяин почему-то выбрал Наньшань, ума не приложу.

Злодей ломал голову над разгадкой, но, не выдержав, обратился за помощью к остальным системам.

Однако уровень интеллекта систем был на редкость ровным, и его вопрос так и остался без ответа.

Система Очарования: — Хватит спорить, давайте лучше понаблюдаем за действиями Се Цзыци.

Однако образ жизни Се Цзыци отличался строгим размеренным ритмом и полным отсутствием сюрпризов.

Выразив признательность настоятелю, он спокойно обосновался в обители.

Почти полмесяца монашеской жизни пролетали одинаково: он поднимался с рассветом для чтения книг, ложился строго по часам, в перерывах помогая послушнику с уборкой и садовыми работами. За исключением визитов к настоятелю, он не покидал пределы своего дворика, а порог кельмы, помимо носившего еду послушника, не переступал никто.

Се Цзыци держал себя с невозмутимым спокойствием, а вот системы чуть не лопались от досады.

Система «Каратель подонков» первой не выдержала: неужели этот хозяин и впрямь глуп? Разве можно сидеть сложа руки, когда положено действовать? Тьфу ты, неужели он ни во что не ставит системные задачи?!

Безумное ворчание Системы «Каратель подонков» на сей раз нашло живой отклик среди остальных, вызвав волну поддержки.

Система Славы: — Впервые вижу столь бездействующего хозяина.

Система «Контратака пушечного мяса»: — Истинное горе для нашего братства систем...

Система Наложницы: — Сначала бы охмурил настоятеля, а уж потом рассуждал! Хозяин, шевелись же!

Система Второстепенного Персонажа поставила вопрос, заслуживающий глубокого раздумья.

<http://bllate.org/book/19854/1954654>